

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Поткина И.В.

DOI: 10.7256/2222-1972.2015.1.15619

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Архитектор и заказчик: к истории строительства здания «Компании Зингер» в Петербурге

Аннотация: Предметом исследования являются некоторые аспекты истории сооружения в 1900–1904 гг. в столице Российской империи собственного офисного здания иностранного акционерного общества по производству и продаже швейных машин. В статье впервые вводятся в научный оборот неизвестные архивные материалы о строительстве дома в Петербурге для американской транснациональной корпорации «Компания Зингер». Новые документы позволили раскрыть взаимоотношения архитектора и заказчика, которые, как выяснилось, носили острый характер. Причиной послужило столкновение двух разных подходов к определению архитектурного облика возводимого здания в историческом центре столицы. Павлу Сюзору, выдающемуся архитектору и опытному общественному деятелю, приходилось преодолевать непонимание со стороны американских менеджеров особенностей градостроительных правил Петербурга и художественных вкусов жителей российской столицы. Период конфронтации длился примерно два года. В итоге возобладала точка зрения зодчего, который, с одной стороны, максимально учел требования заказчика, носившие деловой и функциональный характер. А с другой – сумел органично внедрить в классическую архитектурную среду дом, построенный в стиле модерн, но при этом не нарушить ансамблевости.

Ключевые слова: историческая застройка, правила градостроительства, проектная деятельность, «Компания Зингер», история предпринимательства, архитектор и заказчик, деловая переписка, конфликт интересов, эстетический вкус, архитектурные стили.

Review: This article examines several aspects in the history of the office building construction of a foreign stock corporation, specialised in the production and sale of sewing machines, in 1900–1904 in the capital of the Russian empire. The article introduces for the first time in scientific studies unknown archival material pertaining to the construction in Saint Petersburg of the building for the American transnational corporation “Singer Company”. The new documents revealed the existing relationship between the architect and the employer, which, as was discovered, was acute. The reason for tensions was the clash of the two different approaches towards the development of the architectural style of the building, to be located in the capital’s historical centre. Pavel Suzor, an eminent architect and veteran public figure, had to overcome the American managers’ incomprehension of the particularities of urban construction regulations in Saint Petersburg and of the artistic taste of the Russian capital’s population. The period of confrontation lasted for about two years. In the end the architect’s viewpoint prevailed, who, on the one hand, took maximum consideration of the employer’s demands, which were both commercial and functional. On the other hand, he succeeded in naturally incorporating into the classical architectural environment a building constructed in the style of Art nouveau, without breaking the city’s stylistic ensemble.

Key words: aesthetic taste, conflict of interests, business correspondence, architect and employer, history of entrepreneurship, “Singer Company”, architectural planning, urban construction regulations, historical building, architectural styles.

Индустриализация народного хозяйства, отмена крепостного права выдвинули на историческую авансцену России новую социальную прослойку – отечественный торгово-промышленный класс, который во второй половине XIX в. активно наращивал свою экономическую мощь. К

концу столетия эта молодая и свежая сила стала предъявлять повышенный спрос на дорогие и высокопрофессиональные услуги архитекторов, инженеров и строителей, а значит, формировать вместе с ними облик российских городов, придавая им коммерческий характер. Одновременно вырабатывался и новый тип отношений

архитектора и заказчика, которые строились по деловому принципу «работодатель – наемный работник». Российская дореволюционная история донесла до нас множество примеров плодотворного и доверительного сотрудничества в этой области, опиравшегося на взаимное уважение сторон. Во всяком случае, так строились отношения владельцев Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» с зодчими, которые выполняли их заказы по строительству социальных объектов фирмы в провинции и общественных зданий в Москве.

Требовательный и авторитарный Т. С. Морозов, дважды решив на собственные деньги отстроить для Никольского фабричного училища современные благоустроенные здания, сотрудничал с такими зодчими, как А. С. Каминский (в 1870-е гг.) и А. Н. Кнабе (в 1880-е гг.). При рассмотрении делопроизводственной документации Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» создается впечатление, что глава фирмы не вмешивался в работу профессионалов-архитекторов, снабдив их общими инструкциями относительно санитарно-гигиенических норм для школьных зданий и численности классных комнат. Памятная книга распоряжений по фабрикам сохранила лишь отдельные скупые приказы владельца относительно сооружавшегося объекта на конец 1877 г., когда сам дом, построенный в весенне-летний период, был уже готов. Требования Т. С. Морозова, адресованные непосредственным исполнителям, сводились только к ускорению внутренних отделочных работ и включению отопления до наступления холодов. После стачки 1885 г. он часто болел и уже вряд ли мог так пристально следить за возведением нового, более вместительного здания училища, которое было завершено уже после его смерти [15, л. 21об., 56об; 18, 191–192].

Старший сын Т. С. Морозова Савва был не менее активным соиздателем социальных объектов и общественных зданий. Ему тоже довелось работать с именитыми архитекторами, среди которых на первом месте стоит Ф. О. Шехтель. Хотя Сав. Т. Морозов и проводил на перестройке дома в Камергерском переулке для Московского художественного театра дни напролет, но он не вмешивался в творческий процесс ни в период подготовки проекта, ни после. Наоборот: он нередко выступал в роли простого работника-строителя [11, 159]. Повышенный интерес у директора правления по социальным вопросам вызывали возводимые в местечке Никольском здания

для главной больницы и фабричного театра, за которыми наблюдал архитектор А. А. Галецкий, помощник Ф. О. Шехтеля. Например, контролирующая роль Сав. Т. Морозова и главного врача больницы А. П. Базилевича сводилась к тому, что они проверяли соответствие сооружавшегося объекта санитарно-гигиеническим и техническим нормам. В свою очередь, исполнители-инженеры вносили коррективы в проект, пытаясь максимально учесть пожелания заказчика относительно устройства лечебных помещений. Как отмечал начальник строительного отдела Товарищества Никольской мануфактуры Д. А. Голубков, «постройка зданий и их отделка производилась с технической стороны по последовательным решениям господина Саввы Тимофеевича на месте совместно с господами А. П. Базилевичем и А. А. Галецким» [18, 163–164]. Этот отрывок позволяет нам сделать вывод о том, что между владельцем, зодчим и конечным пользователем установились равноправные отношения.

Пример творческого содружества архитектора и заказчика являет собой и возведение здания Музея изящных искусств имени императора Александра III на Волхонке. Без преувеличения можно сказать, что это был союз равных личностей, работавших слаженно: прекрасного стилизатора Р. И. Клейна и знатока Античности профессора И. В. Цветаева. Что касается главного мецената музея, предпринимателя Ю. С. Нечаева-Мальцева, то основной его заботой было финансирование строительства.

Работу Романа Клейна, представленную на конкурс Академии художеств летом 1896 г., отметили первой золотой медалью. Проект еще молодого, но уже сложившегося московского архитектора, как писалось, отличался примерной добросовестностью, знанием и художественным вкусом, но был слишком дорогостоящим по причине пышной и эффектной разработки фасадов и внутренних помещений [12, л. 59–60об.]. Тем не менее И. В. Цветаев считал, что все работы с учетом критических замечаний авторитетной конкурсной комиссии Академии художеств являются «драгоценным материалом для составления нового плана». Дорожа временем, Иван Владимирович остановил свой выбор на Р. И. Клейне, поскольку зодчий «кроме приобретенной им репутации специалиста», «заявившего свой авторитет в строительном деле уже видными сооружениями в Москве», привлек внимание профессора и «художественным увлечением делом университетского Музея изящных искусств, и

совершенно бескорыстным отношением <...> к материальным выгодам» [12, л. 61–61об.; 8, 129].

Опыт других современных исследователей позволяет нам утверждать, что в России сложилась стереотипная модель поведения архитектора и заказчика, увлеченных общей идеей, умевших понимать и ценить чужое профессиональное мнение и идти навстречу друг другу [1].

Для американцев, впервые занявшихся строительной деятельностью в незнакомой им стране, такой тип отношений оказался, скорее, неприемлемым, чем недостижимым. Об этом красноречиво свидетельствует история возведения одного из самых красивых и гармоничных зданий модерна в сердце Петербурга.

3 мая 1899 г. общее собрание акционеров «Мануфактурной компании Зингер», дочернего предприятия одноименной американской фирмы («The Singer Manufacturing Company» в Нью-Йорке, в России с 1902 г. – «Компания Зингер»), превратившейся к тому времени в полноценную транснациональную корпорацию, приняло решение о приобретении дома в центре Петербурга по Невскому проспекту, 28, у вдовы камергера О. К. Жуковской. Общая площадь участка составила 350 кв. саженей, или 1593,26 кв. м. На юридическое оформление сделки ушло достаточно много времени. Спустя год русская фирма уже стала полноправным собственником владения, стоимость которого вместе с лежащим на нем долгом Санкт-Петербургскому кредитному обществу составила 1,15 млн руб. [20, л. 10об., 16; 5, 663]. Столь высокая цена объяснялась, во-первых, местоположением и, во-вторых, значительным доходом, который приносил дом, построенный еще в XVIII в. Он по праву считался одним из старейших в Петербурге. Как отмечалось в журнале «Зодчий», «при его разборке весь гранитный цоколь, имевший в высоту два аршина (или 1,42 м. – *И. П.*), был ниже уровня современного тротуара; на этой же глубине оказалась и старая мостовая» [6, 390].

Несмотря на высокую цену, покупка недвижимости в центре столицы была выгодной с коммерческой точки зрения: всегда оживленное место с богатым историческим прошлым, да еще напротив красивейшего Казанского собора. На принятие окончательного решения оказало влияние мнение члена правления русской фирмы Георга Нейдлингера, хорошо знавшего Петербург и сумевшего убедить американских хозяев в безукоризненности выбора [25, 48–50; 4, 7–9]. Для осуществления судьбоносной сдел-

ки руководители фирмы обратились к одному из своих акционеров Ф. Г. Борну за кредитом в размере 1,25 млн руб., который обязались выплатить сполна [20, л. 16, 21об.].

На чрезвычайном общем собрании, состоявшемся 7 ноября 1900 г., «Мануфактурная компания Зингер» признала необходимым выстроить на этом месте «новое красивое здание, соответствующее всем современным требованиям техники и искусства». Руководство решило 1 марта 1902 г. приступить к слому старого дома на углу Невского проспекта и Екатерининского канала (ныне – канал Грибоедова) [20, л. 33]. На Уолтера Диксона, члена правления русской компании и директора Подольского завода швейных машин, американские менеджеры возложили обязанности управляющего по сносу здания и возведению на его месте нового [19, л. 6].

Что касается архитектора, то компания остановила свое внимание на опытном, влиятельном и известном зодчем России Павле Юльевиче Сюзоре (1844–1919), ставшем разработчиком и исполнителем проекта. Его договорные отношения с фирмой длились более трех лет, которые, как представляется, стали серьезным испытанием на прочность признанного мастера и маститого художника, давно заслужившего право на свободу творчества и собственное архитектурное видение. Надо отдать должное американским менеджерам, сделавшим, как показала история, правильный выбор. Как теперь известно, П. Ю. Сюзор был не только высокопрофессиональным зодчим с безупречным вкусом, утонченным знатоком стилей, но и новатором, чутко улавливающим последние архитектурные веяния и мгновенно реагирующим на инновационные строительные технологии.

Исследования петербургских искусствоведов рубежа XX–XXI вв. позволили узнать о Павле Юльевиче многое. Благодаря стараниям В. Г. Исаченко к настоящему времени воссоздана творческая биография, дана развернутая характеристика его градостроительной деятельности и, наконец, определен вклад П. Ю. Сюзора в развитие архитектурных стилей и эстетики конца XIX – начала XX вв. [7, 502–517; 9, 108–121]. Проведение реставрационных работ в здании в начале XXI в. побудило других авторов написать увлекательную и толковую брошюру об истории одного из самых известных домов Ленинграда-Петербурга. А. В. Вознесенский и Б. М. Кириков, профессионально и подробно разобрав архитектурные, декоративные, стилистические и

технические особенности проекта, воссоздали всесторонний образ идеального и вместе с тем рационального делового офисного центра, или, если говорить языком тех лет, конторско-торгового помещения [4].

Таким образом они отдали должное архитектурному гению П. Ю. Сюзора, чье имя было незаслуженно предано забвению на долгие годы. К сожалению, в этих замечательных работах практически ничего не говорится о человеческих достоинствах и личности зодчего. Это играет не последнюю роль в понимании и интерпретации обнаруженных в Москве архивных материалов, связанных с историей строительства здания «Компании Зингер» в Петербурге. Обратимся к мемуарам культурных деятелей той эпохи, в которых есть упоминания о Павле Сюзоре. Из воспоминаний А. Н. Бенуа можно узнать только то, что П. Ю. Сюзор имел репутацию отменного оратора, а также он умел быть благодарным и преданным тем, кому был обязан [2, 239–240]. Однако если считать, что в творческой биографии нашли свое преломление черты характера, то можно сделать некоторые предположения.

По мнению специалистов, главной отличительной особенностью П. Ю. Сюзора как архитектора являлось умение организовывать пространство, создавая гармоничное целое. Лучшим подтверждением этому служат оформление и облик Пушкинской улицы, на которой им было возведено несколько домов. Как отмечает В. Г. Исаченко, «зодчий создал целостный и разнообразный фрагмент городской среды с системой проходов, раскрытий, уголков отдыха. До сих пор Пушкинская улица <...> считается петербургцами одной из самых удобных в центре Петербурга – тихой, спокойной, несмотря на непосредственную близость к наиболее оживленным магистралям и транспортным узлам» [9, 111–112]. Только человек, внутри которого царит гармония, может воспроизвести ее путем творческой деятельности во внешней среде. В то же время, как мы знаем, на формирование личности оказывает большое влияние социальный статус, т. е. происхождение, образование, среда и работа.

Известно, что будущий строитель Петербурга эпохи эклектики и модерна родился в семье видного педагога и литератора графа Ю. С. Сюзора, который был тесно связан с высокообразованной и культурной прослойкой столицы. Сначала он был преподавателем в Воспи-

тательном обществе благородных девиц (Смольный институт), а позднее стал директором частного пансиона и редактором журнала «Русский курьер», издававшегося в Петербурге на французском языке. Интеллектуальная атмосфера отчего дома формировала Павла Сюзора как личность, а свое первое эстетическое образование он получил уже в семье. По окончании в 1866 г. Академии художеств он сразу приступил к проектной и строительной деятельности, и в 48 лет (1892 г.) ему было присвоено звание академика архитектуры [10, 393–394]. Что касается семейного положения, то П. Ю. Сюзор был женат на дочери зодчего Александра Брюллова Софье [9, 108–109]. Дом именитого тестя, отличавшийся образцовым гостеприимством, также всегда был открыт для творческих людей, музыкантов, художников и писателей, среди которых выдающиеся деятели культуры России – К. П. Брюллов, М. И. Глинка, Н. В. Гоголь, братья Кукольники и др. Все это говорит о том, что Павел Сюзор воспитывался, рос и мужал, постоянно пребывая в атмосфере высокой культуры и творчества. Иными словами, он сам был представителем столичной рафинированной интеллигенции.

В связи с этим сразу возникает вопрос о таких чертах, как снобизм и высокомерие, которыми нередко страдала часть культурной российской элиты. Думается, что практическая деятельность П. Ю. Сюзора избавила его от этих недостатков. Все дело в том, что он работал в русле так называемого санитарного зодчества и вошел в историю Петербурга как активный строитель бань. На Политехнической выставке 1872 г. в Москве Павел Сюзор был удостоен золотой медали за проект Воронинских бань [14, 197]. Работы молодого архитектора получали награды и прежде (серебряные медали в 1864, 1866, 1867 гг.), а данное сооружение одновременно позволило подняться еще на одну ступень в его профессиональной деятельности – П. Ю. Сюзор получил «звание классного художника 1-й степени» [10, 394]. Причем сугубо гигиенические сооружения задумывались им как культурно-оздоровительные комплексы – с бассейнами, прачечными, столовыми и читальнями. Более того, они предназначались, по мысли архитектора, для широких слоев населения [21, 134–138].

Как пишет В. Г. Исаченко, Павел Сюзор часто создавал проекты социального назначения бесплатно, как-то: медицинские учреждения, народные школы и театры. Он мечтал о времени, когда все жители страны будут обеспечены

комфортабельными жилищами, а также получают возможность для отдыха и лечения [9, 115; 7, 505]. И, наконец, российский зодчий обладал большим опытом работы с уважаемыми и богатыми частными заказчиками, включая коммерческие учреждения, и, надо полагать, выработал для себя определенный стиль общения с ними. Одним из самых известных его строений является стройное и красивое здание Первого общества взаимного кредита на набережной Екатерининского канала, возведенное в 1888–1890 гг. в стиле неоренессанс. По поводу этой этапной работы в творчестве архитектора В. Г. Исаченко пишет: «Штукатурка разных фактур, рельефы, тщательно исполненные детали – все характеризует Сюзора как большого и опытного мастера» [7, 512]. Как и московский зодчий А. С. Каминский, Павел Сюзор построил, согласно подсчетам петербургских искусствоведов, около 100 зданий в столице, причем он также создавал примечательные сооружения и в российской провинции.

Сказанное выше позволяет нам с большой долей вероятности утверждать, что П. Ю. Сюзор был не только высокообразованным, но и умудренным житейским опытом и уравновешенным человеком. Надо полагать, он любил и ценил свое дело, обладал необыкновенной работоспособностью и чувством собственного достоинства, умел адекватно реагировать на разного рода конфликтные ситуации. Труд зодчего к этому его обязывал.

К началу работ с «Мануфактурной компанией Зингер» Павел Сюзор пользовался репутацией трудолюбивого специалиста, качественно выполнявшего свои архитектурные проекты. Задолго до заключения контракта с акционерным обществом, как отмечают исследователи, «Сюзор проявил себя чрезвычайно требовательным строителем, организатором большого творческого коллектива, состоящего не только из различных специалистов, но и целых строительных фирм» [7, 512]. К тому же он стал обладателем многочисленных наград и был обременен рядом общественных должностей. П. Ю. Сюзор в течение длительного времени привлекался к работе технико-строительного комитета МВД, являлся соучредителем и членом Петербургского общества архитекторов, был руководителем ряда благотворительных учреждений, среди которых Русское общество охранения народного здоровья, Петербургское общество лечебниц для хронически больных детей, Россий-

ское пожарное общество. П. Ю. Сюзор выступил в роли инициатора и организатора нескольких съездов русских зодчих, он также представлял Россию на международных форумах архитекторов. В апреле 1900 г. на заседании Петербургского общества архитекторов ему преподнесли адрес и вручили золотую медаль почетного члена как организатору и главному деятелю III съезда русских зодчих [23, 289]. Иными словами, П. Ю. Сюзор в момент вступления в деловые отношения с американской фирмой был не просто зрелым и маститым мастером, но и крупным общественным деятелем.

Договор с архитектором на строительство здания в Петербурге в самостоятельных фондах компании в московском архиве не обнаружен, равно как и в петербургских. Очевидно, он утрачен, и, к сожалению, мы не имеем возможности определить границы свободы архитектора. Однако отсутствие контракта никак не дает нам повода усомниться в авторстве П. Ю. Сюзора, поскольку имеется множество прямых и косвенных архивных данных и опубликованных материалов, свидетельствующих о его причастности к разработке детального инженерно-архитектурного проекта и непосредственном руководстве строительными работами. Так, например, в протоколах общих собраний «Компании Зингер» от 27 мая 1902 г. четко зафиксировано: «Все планы и чертежи исполнены архитектором графом Сюзором, который по договору и принял на себя надзор за производством работ» [20, л. 33об.].

Что касается данных московских архивов, то в фонде «Компании Зингер» в ЦГА Москвы частично сохранилась уникальная переписка вице-президента русского филиала Дугласа Александера с директором Подольского завода У. Диксоном, связанная со строительной деятельностью в Петербурге и Подольске Московской губернии в начале XX в. В ней постоянно упоминается имя зодчего как главного разработчика проекта. Данная корреспонденция позволила узнать скрытые от глаз общественности детали взаимоотношений архитектора и заказчика, которые на удивление оказались далеко не безоблачными. Особенность переписки состоит в том, что в ней не слышен голос основного действующего лица – П. Ю. Сюзора. Не представлено и мнение У. Диксона, выступавшего в роли посредника и непосредственно общавшегося как с самим зодчим, так и с главой дочерней русской фирмы. Иными словами, де-

ловая корреспонденция носит односторонний и фрагментарный характер, тем не менее письма Д. Александра позволяют составить мнение о происходившем и внести некоторые коррективы в историю строительства здания «Компании Зингер» в Петербурге. В целом обнаружено 16 писем, которые проливают свет на интересующие нас отношения архитектора и заказчика.

Транснациональная корпорация, впервые создавшая массовый спрос на швейные машинки и активно осваивавшая в последней трети XIX в. мировой рынок, захотела увековечить свои достижения в архитектуре. С этой целью «Мануфактурная компания Зингер» приступила к сооружению многофункциональных офисных центров не только у себя на родине, но и в странах, где работали ее дочерние предприятия. Американские менеджеры, задумав строительство в Петербурге, имели собственные твердые представления об облике будущего здания, которые были сформулированы нью-йоркским архитектором компании в виде проекта и отправлены в российскую столицу для дальнейшей детальной разработки фасадов, поэтажных планов и расчета стоимости всех работ. Поскольку здание намечалось восьмизэтажным, то П. Ю. Сюзор, возражая, разъяснил американцам принятые в Петербурге правила застройки центральной части города, где максимальная высота домов не могла превышать 11 сажень, или 23,47 м. В итоге был составлен другой чертеж, принятый менеджерами компании за основу [16, л. 38–39].

Именно этим обстоятельством объясняется, на наш взгляд, то весьма отдаленное сходство знаменитого творения Павла Сюзора с комплексом зданий «Мануфактурной компании Зингер» на Бродвее в Нью-Йорке, созданным архитектором Эрнестом Флаггом. Оно было построено в 1908 г., т. е. на четыре года позже петербургского, и простояло всего лишь 60 лет. На тот момент небоскреб штаб-квартиры компании являлся самым высоким в мире. Эту завуалированную схожесть впервые подметили петербургские ученые, назвав «общностью приемов». Более того, они высказали предположение о причастности Э. Флага к петербургскому проекту [4, 13–17]. Наши московские архивные находки подтверждают догадку искусствоведов. В письме Д. Александра У. Диксону, датированном 7 марта 1902 г., в частности, говорится следующее: «В оригинальных эскизах, выполненных нашим архитектором здесь (в Нью-Йорке. – *И. П.*) и врученных графу Сюзору, имелось ясное указание на наши

пожелания в отношении фасада» [17, л. 32]. Однако следует отметить, что российскому архитектору пришлось творить в заданных жестких рамках: с одной стороны, любое отклонение от оригинала встречалось в штывы американской стороной, и доводы П. Ю. Сюзора редко принимались иностранными менеджерами всерьез. С другой – архитектор был связан по рукам и ногам строгими строительными инструкциями для Петербурга, о наличии которых американские заказчики даже и не подозревали.

Детальная разработка проекта заняла у Павла Сюзора более года. Точнее ответить на этот вопрос не представляется возможным, поскольку дошедшая до нас переписка, очевидно, является всего лишь незначительным фрагментом более обширного комплекса корреспонденции, связанного со строительством дома в Петербурге. Как развивались события в самом начале, нам неизвестно, но уже летом 1901 г., когда проектировочная деятельность была в полном разгаре, разногласия между заказчиком и архитектором достигли если не апогея, то серьезных масштабов. Обмен чертежами, их рассмотрение членами правления, взаимные претензии и упреки относительно проекта происходили и в первой половине 1902 г.

Уже к июлю 1901 г. американцы имели на руках три альтернативных плана, которые были представлены российским зодчим, стремившимся, как мы полагаем, максимально удовлетворить запросы хозяев и вписать новое здание в историческую застройку Петербурга. В итоге они остановились на проекте под номером три, в котором внутренняя лестница освещалась бы посредством световой шахты и который обеспечивал дополнительные площади для зала. Хотя некоторые детали чертежа под номером два (доступ к одному из внутренних помещений с двух лестничных маршей) выглядели столь же привлекательными. Тем не менее сам факт представления трех проектов вызвал у заказчиков неодобрительную реакцию [16, л. 37], что можно объяснить только следующим.

Американцы как адепты стандартизации были поставлены в дискомфортное для них положение, связанное с необходимостью выбора из предложенных архитектором вариантов оптимальной для них самих версии внутренних помещений здания. Заметим, что соблюдение технических стандартов в строительстве жизненно необходимо, но слепое следование каким-либо шаблонам в художественной части может убить

свободу творчества зодчего, стремящегося создать неповторимый облик внутренних и внешних объемов здания. П. Ю. Сюзор как будто бы говорил своим заокеанским заказчиком: я подготовил несколько связанных одной общей идеей планов, но различающихся в деталях. Думайте, выбирайте, что вам больше подходит.

Можно только догадываться, какое раздражение испытали американцы, когда зодчий изменил первоначальный проект фонаря, венчающего здание, представив на рассмотрение несколько вариантов этой смысловой архитектурной доминанты. Все предварительные чертежи были опубликованы, они продемонстрировали творческую манеру архитектора. У российских специалистов сложный поиск художника вызвал, наоборот, интерес, и поэтому их вердикт не совпал с мнением американцев. В 1904 г. журнал «Строитель» писал: «В настоящее время совершенно закончена отделка дома, как внутри, так и снаружи; остается лишь закончить богато задуманный колоссальный фонарь-купол над угловой частью здания. <...> Этот фонарь во время исполнения изменен против первоначального проекта. <...> Во всяком случае, сама по себе эта часть фасада должна быть очень интересной. Так как вся она будет обработана рамками, украшениями и фигурами из алюминиевой бронзы, а просветы будут заполнены разноцветными опалесцентными (опалесцирующими – в современной орфографии. – *И. П.*) стеклами сложного рисунка» [5, 672–677].

Весьма прагматичный и далекий от сложных эстетических исканий творческих натур, жесткий и требовательный управленец Д. Александер был убежден в том, что с деловой точки зрения вдумчивый архитектор-художник П. Ю. Сюзор являлся человеком небрежным и непостоянным, а его принципы работы вице-президент компании характеризовал не иначе как бессистемными [16, л. 37]. Дело даже дошло до того, что Д. Александер стал всерьез обсуждать с У. Диксоном проблему возможного понижения суммы гонорара Павла Сюзора.

Согласно общепринятым нормам, утвержденным Американским институтом архитекторов, вознаграждение за труд исчислялось из расчета 5% от стоимости произведенных работ при условии исполнения всех профессиональных услуг архитектора, включая наблюдение за строительством. Комментируя сложившуюся ситуацию, Д. Александер писал: «Наш опыт с графом Сюзором, однако, может вас привести к

выводу о том, что было бы лучше предусмотреть более низкий процент за все его услуги и заключить специальное соглашение по надзору» [16, л. 36]. Однако вице-президент склонялся к тому, чтобы не делать подобного шага, и все оставлял на усмотрение У. Диксона, который должен был найти способы ограждения интересов фирмы. В конце концов возобладал здравый смысл, и Д. Александер примирился с ситуацией. Считая манеру поведения графа весьма необычной и раздражающей, но вместе с тем приняв во внимание положение П. Ю. Сюзора и его влияние в обществе, он посчитал немудрым что-либо менять в деловых отношениях с русским архитектором [16, л. 48]. О том, как резко изменилось отношение к русскому архитектору, свидетельствует письмо Д. Александера от 6 ноября 1901 г. по н. ст. Он писал У. Диксону: «...в силу сложившихся обстоятельств мы должны терпеливо подчиниться особенностям графа; несомненно, что лучшая политика для нас – это согласиться с теми условиями, которые были бы приемлемы для него без каких-либо возражений, а не ограничивать его интересы» [16, л. 56]. Хотелось бы думать, что эта серьезнейшая уступка была не в последнюю очередь обусловлена качеством представленной работы и мастерством зодчего.

Как решил вопрос о вознаграждении, из переписки понять до конца невозможно, приходится надеяться на деловую честность американцев. Согласно одному финансовому документу с начала работ и по 31 декабря 1901 г. гонорар П. Ю. Сюзора составил 4 тыс. руб. [3, л. 30]. Это была оплата за труд по составлению чертежей фасадов здания по Невскому проспекту и Екатерининскому каналу. В 1903–1904 гг. на возведение здания, отделочные внутренние работы и обустройство территории вокруг него было потрачено согласно отчету в совокупности свыше миллиона рублей. На сложные инженерно-технические работы, связанные с устройством водопровода, отопления, вентиляции, лифтов, скрытых водостоков и снеготаялок, вращающейся двери, а также на художественную отделку внутренних помещений и фасадов ушло чуть меньше полумиллиона рублей. В марте 1904 г. архитектору было выдано 10 тыс. рублей. По другим финансовым документам сумма гонорара П. Ю. Сюзора не прослеживается. Заметим, что выдающиеся скульпторы эпохи модерна – эстонец А. Адамсон в 1904 г. за лепку гипсовых женских фигур для фасада, а анималист А. Л. Обер за лепку орла – получили гонорары в размере

соответственно 1800 и 900 рублей. Петербургской бронзолитейной фирме А. Моран за отливку этих произведений выплатили 11,5 тыс. руб. [13, л. 1–177об.].

Что касается предъявленных американцами Павлу Сюзору претензий, то на этапе подготовки они сводились к следующему. Правление «Мануфактурной компании Зингер» больше беспокоило даже не сам факт постоянной задержки проектировочных планов, хотя это всегда вызывало у руководства неудовольствие. С точки зрения Д. Александра, нарушение установленного жесткого графика сдачи чертежей являлось тревожным симптомом более общей проблемы. Дело в том, что манера работы российского архитектора, как ему казалось, не соответствовала принципам ведения бизнеса [16, л. 37]. Причем раз принятое высшими менеджерами решение не подлежало пересмотру, даже если оно было продиктовано стремлением П. Ю. Сюзора найти оптимальный вариант в соотношении требований заказчика и художественным видением автора, который должен был органично вписать будущее здание в историческую застройку. В итоге случилось так, что сложный творческий поиск архитектора и его ответственность перед городом и его жителями американцами не принимались во внимание.

В дальнейшем, как следует из писем вице-президента «Компании Зингер» Д. Александра, заказчиков в большей степени волновали исключительно технические детали проекта, как-то: габариты окон, их распределение по фасадам здания, ширина простенков, дизайн крыши, лифтовые шахты, внутренние объемы помещений, их полезная площадь и многое другое. Они придирчиво рассматривали каждую присланную им «синьку» или фотокопию, как будто стремясь обнаружить в них малейшие отклонения от утвержденных планов. Так, например, случилось с размерами оконных проемов, которые первоначально показались вице-президенту значительно суженными. Потом же выяснилось, что эти подозрения были беспочвенными. В конце концов Д. Александр признал, что его «опасения по поводу уменьшения размеров окон были необоснованными и что они так же широки, как и в первоначальном плане» [17, л. 49].

Много резких суждений было высказано по поводу предложений П. Ю. Сюзора относительно фасада проектируемого дома. Эта проблема постоянно обсуждалась в 1901–1902 гг. Очевидно, имея желание построить в Петербурге и

Нью-Йорке однотипные офисные здания как узнаваемый символ транснациональной корпорации, американцы настаивали на том, чтобы чертежи, подготовленные русским зодчим, соответствовали плану нью-йоркского архитектора Э. Флагга, а наружная часть здания была бы «абсолютно равномерной, прямой и неразорванной» [16, л. 39; 17, л. 49]. Заказчик в лице Д. Александра согласился с разработанным в России проектом главного фасада по Невскому проспекту, длина которого была значительно короче и составляла всего лишь 14 сажень, или 29,87 м. В этом случае требования американцев даже и не оспаривались. Вместе с тем П. Ю. Сюзор им резко возражал, когда речь заходила о лицевой стороне дома по Екатерининскому каналу, т. к. она протянулась на 53,34 м. Зодчего не устраивала фиксируемая глазом утомительная однообразность, и поэтому он считал, что при такой длине фасад необходимо делать прерывистым. Более того, П. Ю. Сюзор предлагал сделать три входа в здание с улицы. Но американцы дали разрешение оформить только два входа: один – угловой, а другой – в самом конце дома по Екатерининскому каналу. В основе их непреложного требования лежали хозяйственная целесообразность и чисто прагматические соображения, но никак не художественная мотивация. Один вход во внутренний дворик со стороны канала, писал вице-президент Д. Александр, «улучшит внешний вид нашего магазина и сделает возможным более рациональное разделение внутренних площадей в верхних этажах» [16, л. 60–61; 17, л. 34].

По тем же причинам не удалось П. Ю. Сюзору реализовать идею с ротондой в угловой части здания. Как считали американцы, использовать круглую постройку с колоннами в качестве господствующего элемента в архитектурном убранстве было делом «совершенно невозможным», ведь главной целью возведения дома в Петербурге являлось получение собственного удобного конторского строения. Д. Александр в своих распорядительных письмах не один раз подчеркивал, что дом должен был «обеспечить нас подходящим торговым залом, и мы должны иметь огромные окна и абсолютно ровный, прямой и неразорванный фасад со стороны Невского проспекта». В принципе он не имел ничего против закругленного фасада, но при этом жестко отстаивал интересы фирмы: «...мы не будем делать ничего того, что сможет в какой-то мере нарушить размер или объем магазина, который мы проектируем для себя» [17, л. 33–34].

Как следует из приведенных фрагментов переписки, причиной конфликта между заказчиком и архитектором стало столкновение двух диаметрально противоположных подходов: делового, функционального, опирающегося на позиции рациональности; и творческого, художественного, основанного на эстетических принципах ар-нуво и гармонии. И, как нам представляется, победителем в этой «борьбе» за сохранение сложившегося архитектурного образа центра Петербурга вышел П. Ю. Сюзор. Но и американцы ни в коей мере не проиграли, поскольку русский зодчий максимально учел требования заказчика. Как мы знаем, П. Ю. Сюзор был восприимчив к новым веяниям и в результате построил дом, применив последние мировые достижения строительной техники того времени. Более того, к исполнению заказов он привлек большое число российских фирм. Именно об этом писали в первую очередь ведущие отечественные архитектурные журналы начала XX в. Комиссия Императорского Петербургского общества архитекторов в 1907 г. наградила домовладельцев, т. е. «Компанию Зингер», почетным дипломом за строительство дома на Невском проспекте [6, 390–391; 22, 487; 5, 668; 5, 672].

Кстати, когда здание было уже построено и открылось взорам петербуржцев, современники бросили единственный упрек в адрес именитого мастера и его детища. И это были те самые витринные окна и фасады, о которых так пеклись американские заказчики. Вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества «Строитель», редактором которого был петербургский архитектор, начинавший профессиональную деятельность под руководством П. Ю. Сюзора,

Г. В. Барановский, в 1904 г. в связи с этим писал: «...в архитектурном отношении можно указать лишь на сравнительно однообразно-скучную разбивку оконных проемов пяти этажей, особенно 3, 4 и 5-го. Казалось бы, что широкое применение в этом случае богатых мотивов *bows-windows* (окно с выступом. – И. П.) могло бы придать фасадам больше глубоких теней и тем самым устранить впечатление монотонности» [5, 677–678]. Но как раз этого и не надо было заокеанским заказчикам, задумавшим воспроизвести в историческом центре одной из красивейших столиц мира аналог стереотипных американских небоскребов рубежа XIX–XX вв. Не вызывает никаких сомнений, что сооружение высотных домов было величайшим достижением строительной техники того времени, и приоритет инженеров США здесь бесспорен. Что же касается художественной стороны дела, то органично вписывавшиеся в американскую городскую среду устремленные ввысь здания менее всего отвечали эстетическим принципам градостроительства Санкт-Петербурга.

В конце концов заокеанские менеджеры согласились с общей концепцией русского зодчего. В сухих протоколах общих собраний акционеров «Компании Зингер» уже в 1902 г. с уверенностью констатируется: «...новое здание как выдающийся продукт зодчества будет служить украшением столицы и Невского проспекта» [20, л. 33]. Время показало справедливость этих слов. Благодаря архитектурному гению П. Ю. Сюзора в столице России был построен не «дом-иностранец», а гармоничное и прекрасное здание в стиле модерн, воплотившее в себе имперское величие города на Неве.

Библиография:

1. Архитектор Александр Каминский (1829–1897). Образы времени в архитектуре второй половины XIX века: материалы науч. конф., 20–22 янв. 2011 г., Москва. М.: Издательство Главархива Москвы, 2012. 239 с.
2. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 2. Кн. 4–5. М.: Наука, 1990. 743 с.
3. Ведомости, июль 1901 – август 1902 // Отдел хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы. Ф. 526. Оп. 1. Д. 78.
4. Вознесенский А. В., Кириков Б. М. Дом компании «Зингер» – Дом книги. СПб.: Коло, 2008. 44 с.
5. Дом акционерного общества Зингер и Ко // Строитель. Вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. СПб.: Изд. Г. В. Барановский, 1904. № 17–20. Стб. 657–678.
6. Дом компании Зингер в С.-Петербурге // Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический. Орган Императорского С.-Петербургского общества архитекторов. СПб.: Типография С.-Петербургского градоначальства, 1906. № 39. С. 390–391.
7. Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века / Сост. В. Г. Исаченко. СПб.: Лениздат, 1998. 1070 с.
8. И. В. Цветаев создает музей / Сост. и коммент. А. А. Демская и Л. М. Смирнова. М.: Галарт, 1995. 448 с.
9. Исаченко В. Г. Зодчие Санкт-Петербурга XVIII–XX веков. М.: Центрполиграф, 2010. 416 с.
10. Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. Ч. 2. Часть биографическая. Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. СПб.: Академия художеств, 1915. [4], VI, 454, [5] с.

11. Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М.: Русская книга, 1998. 208 с.
12. О постройке зданий музея изящных искусств и глазной больницы на капитал, пожертвованный В. А. Алексеевой, 7 мая 1898 г. – 27 июля 1899 г. // Отдел хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы. Ф. 418. Оп. 226. Д. 35. Т. II.
13. Отчет по постройке дома Ко Зингер в г. Петербурге на Невском 28, 15 декабря 1903 – 15 декабря 1904 г. // Отдел хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 116.
14. Официальный отдел // Зодчий. Художественно-технический журнал, издаваемый С.-Петербургским обществом архитекторов, 1872. № 11. С. 196–200.
15. Памятная книга распоряжений (Тимофея Саввича Морозова) по фабрикам Товарищества, 18 октября 1876 – 11 марта 1877 // Отдел хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 17.
16. Переписка директора ПЗШМ Диксона В. В. с (вице-президентом) Правления АО «Компания Зингер», 9 января – 25 декабря 1901 // Отдел хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы. Ф. 526. Оп. 1. Д. 80.
17. Переписка директора ПЗШМ Диксона В. В. с (вице-президентом) Правления АО «Компания Зингер», 3 января – 28 июня 1902 // Отдел хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы. Ф. 526. Оп. 1. Д. 83.
18. Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Издательство Главархива Москвы, 2004. 384 с.
19. Протоколы и журнал заседаний Правления за 1899–1915 гг. // Отдел хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 3.
20. Протоколы общих собраний акционеров АО «Компания Зингер», 19 июля 1897 – 19 апреля 1916 г. // Отдел хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы. Ф. 526. Оп. 1. Д. 483.
21. Сюзор П. Народные бани М. С. Воронина в С.-Петербурге // Зодчий. Архитектурный и художественно-технический журнал, издаваемый С.-Петербургским обществом архитекторов. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1872. № 8 и 9. С. 134–138.
22. Хроника // Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический. Орган Императорского С.-Петербургского общества архитекторов. СПб.: Типография С.-Петербургского градоначальства, 1907. № 47. С. 487–488.
23. Хроника // Строитель. Вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. СПб.: Изд. Г. В. Барановский, 1900. № 7–8. Стб. 289–298.
24. Шульгина Д. П. Эклектика в российской провинции: фактор архитектурного наследия при выявлении региональных особенностей // Культура и искусство. 2012. № 1. С. 68–75.
25. Carstensen F. V. American Enterprise in Foreign Markets. Studies of Singer and International Harvester in Imperial Russia. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press, 1984. VII, 289 p.

References (transliterated):

1. Arkhitektor Aleksandr Kaminskii (1829–1897). Obrazy vremeni v arkhitekture vtoroi poloviny XIX veka: materialy nauch. konf., 20–22 yanv. 2011 g., Moskva. M.: Izdatel'stvo Glavarkhiva Moskvy, 2012. 239 s.
2. Benua A. N. Moi vospominaniya. T. 2. Kn. 4–5. M.: Nauka, 1990. 743 s.
3. Vedomosti, iyul' 1901 – avgust 1902 // Otdel khraneniya dokumentov do 1917 goda Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva goroda Moskvy. F. 526. Op. 1. D. 78.
4. Voznesenskii A. V., Kirikov B. M. Dom kompanii «Zinger» – Dom knigi. SPb.: Kolo, 2008. 44 s.
5. Dom aktsionernogo obshchestva Zinger i Ko // Stroitel'. Vestnik arkhitektury, domovladieniya i sanitarnogo zodchestva. SPb.: Izd. G. V. Baranovskii, 1904. № 17–20. Stb. 657–678.
6. Dom kompanii Zinger v S.-Peterburge // Zodchii. Zhurnal arkhitekturnyi i khudozhestvenno-tekhnicheskii. Organ Imperatorskogo S.-Peterburgskogo obshchestva arkhitektorov. SPb.: Tipografiya S.-Peterburgskogo gradonachal'stva, 1906. № 39. S. 390–391.
7. Zodchie Sankt-Peterburga XIX – nachala XX veka / Sost. V. G. Isachenko. SPb.: Lenizdat, 1998. 1070 s.
8. I. V. Tsvetaev sozdaet muzei / Sost. i komment. A. A. Demskaya i L. M. Smirnova. M.: Galart, 1995. 448 s.
9. Isachenko V. G. Zodchie Sankt-Peterburga XVIII–XX vekov. M.: Tsentrpoligraf, 2010. 416 s.
10. Kondakov S. N. Yubileinyi spravochnik Imperatorskoi Akademii khudozhestv. 1764–1914. Ch. 2. Chast' biograficheskaya. Spisok russkikh khudozhnikov k yubileinomu spravochniku Imperatorskoi Akademii khudozhestv. SPb.: Akademiya khudozhestv, 1915. [4], VI, 454, [5] c.
11. Morozova T. P., Potkina I. V. Savva Morozov. M.: Russkaya kniga, 1998. 208 s.
12. O postroike zdaniy muzeya izyashchnykh iskusstv i glaznoi bol'nitsy na kapital, pozhertvovannyi V. A. Alekseevoi, 7 maya 1898 g. – 27 iyulya 1899 g. // Otdel khraneniya dokumentov do 1917 goda Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva goroda Moskvy. F. 418. Op. 226. D. 35. T. II.
13. Otchet po postroike doma Ko Zinger v g. Peterburge na Nevskom 28, 15 dekabrya 1903 – 15 dekabrya 1904 g. // Otdel khraneniya dokumentov do 1917 goda Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva goroda Moskvy. F. 1292. Op. 1. D. 116.
14. Ofitsial'nyi otdel // Zodchii. Khudozhestvenno-tekhnicheskii zhurnal, izdavaemyi S.-Peterburgskim obshchestvom arkhitektorov, 1872. № 11. S. 196–200.
15. Pamyatnaya kniga rasporyazhenii (Timofeya Savvicha Morozova) po fabrikam Tovarishchestva, 18 oktyabrya 1876 – 11 marta 1877 // Otdel khraneniya dokumentov do 1917 goda Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva goroda Moskvy. F. 357. Op. 1. D. 17.
16. Perepiska direktora PZShM Diksona V. V. s (vitse-prezidentom) Pravleniya AO «Kompaniya Zinger», 9 yanvarya – 25 dekabrya 1901 // Otdel khraneniya dokumentov do 1917 goda Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva goroda Moskvy. F. 526. Op. 1. D. 80.

17. Peregiska direktora PZShM Diksona V. V. s (vitse-prezidentom) Pravleniya AO «Kompaniya Zinger», 3 yanvarya – 28 iyunya 1902 // Otdel khraneniya dokumentov do 1917 goda Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva goroda Moskvy. F. 526. Op. 1. D. 83.
18. Potkina I. V. Na Olimpe delovogo uspekha: Nikol'skaya manufaktura Morozovykh, 1797–1917. M.: Izdatel'stvo Glavarkhiva Moskvy, 2004. 384 s.
19. Protokoly i zhurnal zasedanii Pravleniya za 1899–1915 gg. // Otdel khraneniya dokumentov do 1917 goda Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva goroda Moskvy. F. 1292. Op. 1. D. 3.
20. Protokoly obshchikh sobranii aktsionerov AO «Kompaniya Zinger», 19 iyulya 1897 – 19 aprelya 1916 g. // Otdel khraneniya dokumentov do 1917 goda Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva goroda Moskvy. F. 526. Op. 1. D. 483.
21. Syuzor P. Narodnye bani M. S. Voronina v S.-Peterburge // Zodchii. Arkhitekturnyi i khudozhestvenno-tekhnicheskii zhurnal, izdavaemyi S.-Peterburgskim obshchestvom arkhitektorov. SPb.: Tipografiya E. Goppe, 1872. № 8 i 9. S. 134–138.
22. Khronika // Zodchii. Zhurnal arkhitekturnyi i khudozhestvenno-tekhnicheskii. Organ Imperatorskogo S.-Peterburgskogo obshchestva arkhitektorov. SPb.: Tipografiya S.-Peterburgskogo gradonachal'stva, 1907. № 47. S. 487–488.
23. Khronika // Stroitel'. Vestnik arkhitektury, domovladieniya i sanitarnogo zodchestva. SPb.: Izd. G. V. Baranovskii, 1900. № 7–8. Stb. 289–298.
24. Shul'gina D. P. Eklektika v rossiiskoi provintsii: faktor arkhitekturnogo naslediya pri vyyavlenii regional'nykh osobennosti // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 1. S. 68–75.
25. Carstensen F. V. American Enterprise in Foreign Markets. Studies of Singer and International Harvester in Imperial Russia. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press, 1984. VII, 289 r.